

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

П И С Ъ М Е Н Н Ы Е
П А М Я Т Н И К И
В О С Т О К А

И С Т О Р И К О - Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

М.-Н. О. Османов

РАЗНОЧТЕНИЯ И ОПИСКИ В СПИСКАХ ШАХ-НАМЕ И ИХ ФИКСАЦИЯ В КРИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена частному вопросу теории текстологии и ставит целью пояснить некоторые особенности составления сводно-критического текста на основе теоретических положений, разработанных Е. Э. Бертельсом применительно к восточной текстологии. Е. Э. Бертельс выдвинул новое положение о том, что при современном состоянии восточной текстологии и при отсутствии автографа или прижизненной рукописи нет смысла говорить о каноническом тексте, что в таком случае следует ставить вопрос о составлении сводно-критического текста, который воспроизводит редакцию определенного периода, что составленный таким образом сводно-критический текст будет строго установленным этапом на пути приближения к авторскому (каноническому) тексту¹.

Как известно, при наличии автографа или прижизненной рукописи задача текстолога состоит в том, чтобы посредством привлечения других рукописных материалов устранить описки и явные ошибки, которые по тем или иным причинам вкрались в автограф (прижизненную рукопись); в том, чтобы расшифровать те места, которые в силу технических причин (клякса, дефект, стерто и т. д.) не могут быть прочитаны в автографе или прижизненной рукописи. При этом следует иметь в виду, что задача текстолога — не улучшить текст, не сделать его доступным для читателя, а восстановить авторский текст (или приблизиться к нему). Если даже автор совершил явную ошибку, текстолог не вправе «улучшать», «исправлять», ибо в этом случае он ничем не будет отличаться от средневековых переписчиков. Текстолог обязан заметить подобную ошибку, обратить на нее внимание, дать свое толкование ее причин, но не волен предлагать свою конъектуру (если только ошибка автора не носит механического характера). Если в авторском тексте встречается стилистическая неряшливость, неудачная рифма, если нарушен метр и т. д., текстолог обязан сохранить их, воспроизведя одновременно разночтения и высказав свои соображения. Однако, если у исследователя-текстолога нет под руками автографа, то его свобода значительно возрастает, и ему предоставляется возможность заменить в основной (лучшей) рукописи то чтение, которое при всестороннем рассмотрении кажется не принадлежащим автору.

Названный этап на пути приближения к каноническому тексту по

¹ Это положение Е. Э. Бертельса было популяризировано в двух моих статьях: 1) «Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее принципы (на материалах иранской текстологии)». ВИМК, 1961, № 4; 12; «Из опыта текстологической работы над *Шах-наме* Фирдоуси», — ПВ, 1960, № 4.

мере обнаружения новых рукописных материалов может быть отодвинут ближе ко времени написания произведения и при благоприятном исходе, если говорить об идеале, может завершиться составлением канонического текста. Однако по большей части нам придется смириться с тем, что тексты многих персидских классиков так и не будут доведены до состояния канонического текста, поскольку вероятность обнаружения более древних рукописей весьма ограничена.

При составлении канонического текста первостепенное значение имеет творческая сторона подготовки текста, т. е. то, что зависит от субъективных данных текстолога, и эту сторону работы я называю субъективно-творческой. Она сводится к целому ряду критических актов, которые касаются как отдельных частных вопросов, так и всей композиции и содержания исследуемого текста. В текстологии необходимо исходить из того положения, что составление текста есть прежде всего исследование его, притом исследование творческое, историческое. Механическое же переписывание разных вариантов с выносом разночтений не является суммой критических актов и, следовательно, не является научной подготовкой текста.

При составлении сводно-критического текста субъективно-творческая сторона имеет существенное значение, но ограничиться одной ею не представляется возможным, поскольку сам этап приближения к авторскому тексту предполагает возвращение к этому этапу на основе других, новых рукописных материалов; иными словами, изданный текст впоследствии, во-первых, может быть использован в качестве одного из возможных вариантов, а во-вторых, он должен дать новым исследователям полное представление о состоянии тех материалов, которые были привлечены при составлении сводно-критического текста. Следовательно, сноски к тексту должны давать полную картину состояния использованного материала, чтобы новый исследователь мог не обращаться вновь к уже использованным материалам. Этап в текстологии, помимо субъективно-творческого осознанного текста, т. е. определенной редакции, должен еще представлять собой полное описание текста всех рукописей.

Эту сторону работы, в которой помимо творческого начала имеет значение и техническое исполнение, мы называем объективно-технической, поскольку технические моменты точности исполнения выступают здесь на первое место.

Конечно, мы могли бы воспроизвести все орфографические особенности текста, все описки и разночтения в каждом отдельном случае, и с объективно-технической стороны добиться безупречности, однако физически это вряд ли будет возможно, и сам текстолог потонет в море мелких ошибок и орфографических особенностей и неизбежно допустит примерно столько же описок, сколько имеется в любой использованной им рукописи. Иными словами, описание использованных списков должно быть не только полным, но и предельно экономным, простым.

Следовательно, систематизируя аппарат, текстолог должен думать не только об облегчении и упрощении работы следующих поколений текстологов, но и о том, чтобы и его работа была облегчена и неизбежные описки сведены к минимуму. Как известно, субъективно-творческая ошибка может быть поправлена в результате критического акта следующего текстолога, а описка может быть исправлена лишь при новом обращении к уже использованным материалам.

Эти обе стороны исследования текста, т. е. субъективно-творческая и объективно-техническая, в практической работе сводятся к выбору чтения и выделению разночтений (творческая) и оформлению разночтений и описок (техническая). Природе разночтения и описок как раз и посвящена данная статья.

Прежде чем говорить о воспроизведении разночтений и описок, следует дать дефиницию обоих явлений. Разночтение — это вполне пригодное чтение, отвергнутое текстологом не потому, что оно неправильное, плохое и т. д., а потому, что оно не принадлежит данному автору. Задача текстолога — не улучшение текста, а освобождение его от посторонних примесей, даже если эти примеси представляются лучшими, чем сам авторский текст, или равны ему. Поэтому текстолог должен отрешиться от своих субъективных вкусов и на основе своего опыта, на основе имеющейся в его распоряжении информации объективно выделить правильное чтение. Процесс этот, однако, субъективен в том смысле, что в нем участвует сама личность текстолога с его воззрениями, подготовкой и т. д. Идеалом субъективного критического акта был бы тот случай, когда этот акт стал бы абсолютно объективным, т. е. когда ученый дал бы абсолютно тождественный авторскому текст. Текстолог путем субъективно-творческих актов стремится познать объективную истину, вынести адекватное ей суждение, воспроизвести авторский текст.

Идеальным творческий критический акт был бы также в том случае, когда суждение или отбор чтения производились бы не на основе субъективных воззрений и знаний текстологии, а на основе полной информации, т. е. документированных данных, которые в качестве достоверно известных фактов подтверждали бы выбор текстолога. Но поскольку такие данные очень редки, текстолог вынужден прибегать к помощи своих знаний, делать отбор на основе сопоставления и сравнения материала списков, собственного опыта, основанного на изучении мировоззрения автора, его стиля, на основе изучения истории языка и стиля, исторических реалий, т. е. на основе всей имеющейся в его распоряжении информации.

Описка — это ошибка, неправильное чтение, которое не присуще не только данному автору, но вообще поэтическому тексту и данной литературе. Здесь нет выбора чтения, поскольку описка — неверное чтение, и выбрать ее в качестве правильного чтения может только неграмотный текстолог. Б. В. Томашевский отмечал, что «в первую очередь необходимо расслонить механические изменения (опечатки) и авторскую сознательную правку»². Д. С. Лихачев в применении к текстологии древнерусских памятников оговаривает, что в них место «авторской правки» занимает правка «соавторов» (переписчиков, редакторов, переделывателей и т. д.)³. Авторскую правку (по нашей классификации — разночтения в результате деятельности переписчиков) Б. В. Томашевский и Д. С. Лихачев делят на систематическую и спорадическую.

Сознательные изменения текста устойчивы, они определяют то, что называется редакцией произведения, и заменяются лишь тогда, когда возникает новая редакция, т. е. когда простой переписчик превращается в редактора, соавтора, «улучшателя».

² Б. В. Томашевский, *Писатель и книга. Очерк текстологии*, изд. 2, М., 1959, стр. 144.

³ Д. С. Лихачев, *Текстология*, М.—Л., 1962, стр. 168.

Среди многих современных иранских ученых бытует мнение, что европейские текстологи отмечают в сносках безграмотные описки переписчиков в силу плохого знания ими персидского языка. Но если какой-либо текстолог, желая избежать подобного обвинения и подлинных ученых, и дилетантов от текстологии, станет пренебрегать тем, что кажется ему безграмотной опиской, то составленный им текст принесет мало пользы науке; напротив: такой текст — явный и тяжело поправимый вред для науки, поскольку печатное издание предполагает, что оно может и должно быть использовано при дальнейшей работе над текстом, что к нему будут относиться с доверием, как к определенному этапу текстологического исследования, которое предполагает полное описание рукописного материала.

Значит ли это, что должны воспроизводиться все ошибки и неграмотные описки, все искажения? В известной мере да, и вот по каким причинам. Во-первых, даже самый опытный текстолог, даже если он является носителем языка, не может дать полной гарантии правильности дешифровки того, что он считает опиской или искажением. Не исключена возможность, что среди сотни действительных описок и искажений окажутся два-три правильных чтения, которые текстолог просто не смог дешифровать. Всем известно и неоднократно подтверждено практикой текстологов, что кажущееся на первый взгляд неверным или опиской при более внимательном рассмотрении оказывается наиболее приемлемым чтением. Во-вторых, «ошибки, общие нескольким спискам, позволяют удобно классифицировать тексты, объединять списки в группы»⁴. Конечно, не следует возводить классификацию ошибок в абсолют и строить стемму списков по ошибкам: такой механический этап в текстологии давно уже преодолен⁵.

Нахождение среди так называемых описок и искажений правильных чтений, т. е. дешифровка трудных мест, — одна из самых сложных задач текстологии; она может быть решена лишь при глубоко осознанном творческом толковании текста; но не каждый текстолог отмечен способностью к этому. Однако каждый текстолог может и обязан точно воспроизвести все разночтения и описки, а в тех случаях, где он не может дешифровать текст, он обязан выразить свое сомнение, чтобы этим вопросом занялись другие текстологи, а не прошли мимо него. Вот в этом пункте как раз и возникает проблема разночтения и описки: какие описки отмечать в сносках, какие — нет.

Конечно, соблазн велик, и каждому текстологу приятно чувствовать, что он может верно отличить правильное чтение от описки. Но, увы, в текстологии, как и во всякой другой науке, не все так просто.

Описки вообще дело мало приятное и хлопотливое: они перегружают аппарат, а обилие описок в аппарате затрудняет восприятие действительного состава текста в списках. Поэтому вполне закономерно стремление текстологов не загружать аппарат. Нам кажется, что это желание можно удовлетворить не простым игнорированием описок, а их классификацией, разграничением их с особенностями исторически обусловленной сффографии. Эти соображения следует вынести в специальный раздел исследования, а не в аппарат.

В персидской текстологии установилась практика, согласно которой

⁴ Д. С. Лихачев, *Текстология*, стр. 169.

⁵ Убедительную критику теории ошибок К. Лахмана см. в кн.: Д. С. Лихачев, *Текстология*, стр. 6—20.

не принято отмечать в самом тексте и в аппарате особенности орфографии рукописи. Этой практики придерживались и составители критического текста *Шах-наме*. Однако в последнее время по указанию редактора А. Нушина мы стали в тексте показывать те особенности рукописи Британского музея, которые отражают особенности произношения периода ее написания (переписки).

Итак, основное условие отражения разночтений и описок в аппарате — это сведение их к наименьшему количеству при сохранении требования полного описания списков.

Как же стараются удовлетворить это требование составители текста *Шах-наме*?

Во-первых, мы оговариваем в предисловии все отличительные особенности рукописей, касающиеся как орфографии, так и описок. Например, рукопись Британского музея (Л) дает формы: هرگ هرچ آنکه آنچ, вместо принятых в современной персидской орфографии форм: هرکه هرچه آنکه آنچه.

В нашем тексте мы даем эти формы по рукописи Британского музея, но сноску к ним не даем, хотя в других списках по этому поводу нет никакого единообразия (в одном и том же списке можно встретить и то и другое начертание). Вместе с тем та же рукопись Британского музея в начале мисра в некоторых случаях дает начертание کای вместо که ای, но это нарушает метр, если придерживаться современного произношения этого начертания. Несомненно, что переписчик Л читал کای как که ای, т. е. он верно скандировал. Возможно, что здесь или описка, или допустимая в то время орфографическая особенность. Как бы там ни было, мы не считаем целесообразным давать в каждом отдельном случае разночтение که ای к کای, а считаем возможным ограничиться оговоркой в предисловии в отношении этой особенности списка.

В равной мере список Л не дает буквы ی в словах 'های', 'رای' и т. д. перед последующим словом, начинающимся с гласного. Здесь также нет необходимости отмечать это в каждом отдельном случае, достаточно оговорить в предисловии.

Рукопись VI дает имя брата Пирана в форме خورشیدورد вместо فرشییدورد, а это имя известно по другим персидским произведениям; следовательно, в рукописи VI мы имеем дело с явным искажением имени собственного. Однако игнорировать это искажение мы не имеем права, поскольку наш текст является лишь этапом на пути приближения к авторскому тексту. Конечно, имя فرشییدورد сохранит свою правильную форму, и чтение рукописи VI никогда не повлияет на это чтение; иными словами, этот факт имеет характер абсолютной истины, но тем не менее мы должны оговорить это чтение в предисловии, так как оно может понадобиться последующему поколению текстологов для установления каких-либо генетических связей списков, для выделения определенной редакции.

Это же положение распространяется на начертание имени لہای в списках IV и VI: کتہال و کتہاسی.

Возьмем другой пример явного искажения: рукопись К название горы همايون дает в начертании هما یون, и это явное искажение, так как форма هماون подтверждается всеми остальными нашими списками. Но в предисловии это следует оговорить, так как впоследствии эта деталь может пригодиться опять-таки для установления генетических связей списков и выделения определенной редакции.

В наших списках *Шах-наме* нет никакого единообразия в местоимениях 'آن', 'این', а также в словах 'بران', 'بدین', 'برین'. Сначала составители *Шах-наме* отмечали это в разночтениях (это нашло отражение и в моей статье в «Проблемах востоковедения») ⁶. Однако впоследствии удалось установить, что здесь нет никакой смысловой или стилиевой разницы; поэтому было решено не отмечать подобные разночтения, за исключением тех случаев, когда в списках с этими местоимениями связаны разные глаголы, так как в подобных случаях изменение местоимения связано с изменением управления глагола, поскольку одни глаголы требуют после себя предлога به, а другие بر.

Среди текстологов составителей *Шах-наме* нет единого мнения о том, следует ли отмечать в разночтениях те случаи, когда в тексте представлены слова без изменения метра. В прозаическом тексте может быть и нет смысла отмечать подобные разночтения, но в поэтическом, на наш взгляд, такие разночтения следует воспроизводить, так как это связано с поэтической инверсией.

Не следует отмечать очевидные описки, если только это не пригодится в дальнейшем для установления генетических связей. Что касается собственных имен и географических названий, то все различия в их написании, безусловно, должны отразиться (большей частью в предисловии, а не в аппарате).

Несомненно, не следует отмечать в сносках явные пропуски слов, слогов, букв, если такие пропуски могут быть восстановлены путем правильного скандирования, но при этом сначала необходимо проверить все возможности чтения, так как иногда пропущенная метрическая единица может быть восстановлена при помощи изафета или ташдида.

Приведем примеры:

К. Кушани, б. 87.

همه همگان خاک دادند بوسى رهام و گرگین چو گودرز و طوسى

В Л после слова *گودرز* оп. و, это явная описка, так как Гударз не был сыном Туса, но отразить ее следует, так как это может оказаться чтением определенной редакции.

К. Кушани, б. 199.

کجا بیژن و گیو آزادگان جهانگیر گودرز کشوادگان

Л после *بیژن* оп. و, допустимо и то и другое чтение, значит, надо обязательно фиксировать.

К. Кушани, б. 233.

بلان * مرا دیده روز جنگ باورد گه تیغ هندی گرفته بچنگ
I, IV — بلادن K — فراوان T — یلان

В данном случае эти явные описки помогают восстановить графические ошибки переписчиков, которые привели к тому, что вместо «видел моих рыцарей» получилось «в Ладане ты видел меня», т. е. было выдуманно несуществующее географическое понятие. Поэтому было бы непростительным легкомыслием пройти мимо этих описок.

К. Кушани, б. 325.

چو شیدوش و رهام و گستههم و * گیو

⁶ М.-Н. О. Османов, *Из опыта текстологической работы*, стр. 127.

* Л — و оп., это явная описка, поскольку گستهام не был сыном گيو, но отразить здесь описку следует, так как не все переписчики знали, что Густахм не был сыном Гива, и потому они могли переписать эту ошибку.

В заключение изложим суммарно основные положения статьи:

1. При отсутствии автографа (прижизненного списка) текстолог составляет сводно-критический текст, отражающий редакцию или несколько редакций строго определенного периода, и этот текст является лишь этапом на пути приближения к авторскому тексту.

2. На этапе текстологического исследования использованные материалы должны быть описаны полностью, в том числе фиксируются и описки, которые по большей части должны быть классифицированы ради облегчения аппарата. Особое внимание должно быть обращено на те описки, которые могут впоследствии помочь выявлению родства списков. Описки, поддающиеся систематизации, должны быть оговорены в предисловии. Индивидуальные описки в рукописи, которые следующим переписчиком могут быть не учтены, воспроизводятся в аппарате. Явные описки, поддающиеся проверке размером, можно игнорировать.

В заключение скажем, что канонический или сводно-критический текст — только начало описания. Вслед за текстом должны быть составлены глоссарии-конкордансы, которые призваны дать точно зафиксированный материал для изучения истории грамматики и лексики. И лишь после этого можно говорить о подлинном, а не о приблизительном исследовании поэтического памятника на основе полного его описания.